

© А.В. РЯБКОВА

Тюменский государственный университет
ariabkova@mail.ru

УДК 81'1

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ В ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE ASPECT OF PHILOSOPHY IN LINGUISTIC COMMUNICATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема лингвокоммуникативного процесса с позиций видения и понимания как лингвистики, так и философии.

Применение в исследовании указанной проблемы описательного, сравнительно-сопоставительного методов, а также методов интерпретации текста и концептуализации картины мира позволили выйти к концептуально-ситуативному подходу в лингвофилософском осмыслении контекста.

Исследование продемонстрировало целесообразность когнитивного подхода к пониманию коммуникативных актов и текста (дискурса) как интерпретации на общем уровне концептуальной системы, когда текст просто осмысливается интерпретатором, далее — на уровне концептов, составляющих систему мнений, как часть концептуальной системы и на уровне концептов, образующих субъективную систему знания — как часть системы мнения. По мнению автора, понимать — значит интерпретировать, но не обязательно считать истинным и знать, но знать — значит считать истинным. Поэтому степень понимания и знания индивида можно определить лишь при учете определенной концептуальной системы и того, что конституируют в ней когнитивно-базисные системы мнения и знания.

Интенциональность как отнесенность интенциональных состояний к определенной концептуальной системе является естественной, универсальной и существенными чертами любого коммуникативного акта.

Результаты исследования могут быть практически применены в теоретических курсах по когнитивной лингвистике, по переводоведению, а также практическому переводу.

SUMMARY. The article considers the issue of language-and-communication process through viewing and understanding both linguistics and philosophy.

Implementing the above mentioned descriptive and comparative methods as well as the methods of text interpretation and worldview conceptualization, allowed us to get to the concept-and-situation approach in linguistic and philosophical rendering of context.

The research work demonstrated expedience of the cognitive aspect in understanding of communication acts and the texts (discourse) as interpretation on the basic level of the conceptual system, when a text is simply apprehended by an interpreter even on the level of concepts comprising the opinion system being a part of the concept system, and on the level of concepts that form the subjective knowledge system as a part of the opinion system.

Hence, to understand means to render, but not necessarily to consider as truthful and to know. To know means to consider as truthful. Thus, the understanding and knowledge degree of a person could be defined via the specific conceptual system and components of the cognitive basic systems of knowledge and opinion.

Intentionality as reference of intentional states to the definite concept system is a natural, universal and essential feature of any communication act.

The research results could be applied in cognitive linguistics, translation theory and translation practice.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Лингвокоммуникативный процесс, философский аспект, интерпретация, концептуальная система, интенциональность, картина мира, репрезентация, текст-дискурс.*

KEY WORDS. *Language-and-communication process, philosophical aspect, concept system, intentionality, worldview, representation, text-discourse.*

В огромном лингвокоммуникативном пространстве при исследовании некоторых проблем уделяется достаточно большое внимание философскому аспекту, связанному с когнитивными, ментальными процессами человека, наблюдаемыми, с одной стороны — в его ментальных репрезентациях, символах, стратегиях; с другой стороны, в протекании этих процессов при активном участии языка, образующего коммуникативную, то есть речемыслительную основу любой человеческой деятельности.

Интерес философов сфокусирован в этой связи на способности человека коммуницировать: понимать речь, использовать язык для выражения отношений к миру, к социуму, его индивидам, влиять и воздействовать при этом на них.

При рассуждении на эти темы возникает ряд вопросов: в чем заключается сущность коммуникативного процесса, в его прагматической составляющей, то есть в акте речи, помимо звуков, которые слышны, помимо слов, которые произнесены или написаны? Какова роль коммуникантов и создаваемого ими текста (дискурса), а также ситуации, в которой употребляется и воспринимается этот текст (дискурс)?

В философии существует неоднозначный подход к интерпретации указанных вопросов. Зарубежные ученые, в частности, Дж. Остин, утверждают, что «для анализа коммуникативного процесса или речевых актов следует обращаться прежде всего не к предложению как коммуникативной мини-единице и не к результату его воздействия, так как одно и то же выражение в зависимости от ситуации получает разные эмотивные реакции и утверждения, а к контексту» [1; 102].

При помощи языка можно называть объекты мира, говорить что-то о них, обещать, сожалеть, желать и т.д., то есть влиять на коммуниканта. Все это подводит к тому, что не язык и не текст сам по себе являются предметом теоретического рассмотрения и интуитивного восприятия, а лишь контекст как содержательный, так и формализованный исследовательский арсенал языка, и термин «контекст» в этом смысле охватывает вербальный, физический, исторический, социально-культурный аспекты.

Наряду со «смыслом языкового выражения» (семантикой), рассматривают смысловые дополнения, привнесенные «извне». Очень важен в данном случае прагматический анализ индексалов (коммуникантов — действующих лиц и маркеров времени, места, образа действия и т.д.), вклад которых в семантику предложения требует учета конкретной ситуации при их употреблении. Этот подход

представлен в логико-философских традициях исследования языка, где уделяется преобладающее внимание анализу коммуникативных актов (характеризующих коммуникативную направленность) и анализу индексалов и маркеров второстепенных обстоятельств [2; 70]. Например:

Опять паскудник жег свечу всю ночь... Али двор спалить хошь...

Прости, батюшка...

Я те покажу лапотник...

В коротком диалоге из ранних рассказов Лескова ярко иллюстрируются смысловые компоненты, привнесенные самой ситуацией. Набор употребляемых лексем (*я те..., хошь..., али... .*), структура предложений, их лексико-семантический объем (первый коммуникант — 2 полных реплики, второй — 2 слова) сигнализируют о неравенстве участников коммуникации как в самом коммуникативном акте, так и в социальном статусе. На темпоральный аспект указывают слова, практически не актуальные в настоящее время (*лапотник, паскудник*). Эмоционально-смысловой аспект ситуации явно прослеживается в отражении подчинения одного коммуниканта другому; гнев, зло, желание наказать и унижить исходит от одного и страх, боязнь, унижение — от другого [3; 191].

В другой лингвофилософской традиции исследования языка представлены как отличия контекстно-свободного смысла языкового выражения (семантики) от контекстно-связанного смысла произнесенного языкового выражения (прагматики). В той степени, в какой иллокутивный потенциал языкового выражения может считаться независимым от контекста его употребления, он относится к семантике. В той степени, в какой он считается зависимым от этого контекста, он относится к прагматике [4; 57].

Итак, существенным в подходах к анализу коммуникативных процессов является контекст употребления языка, то есть то, что отсутствует в самом употребляемом выражении.

Некоторые исследователи определяют текст (дискурс) как последовательность коммуникативных актов, при этом имея в виду локальные и глобальные их связанности. Коммуникативный акт воспринимают логично и уместно относительно предшествующих или последующих коммуникативных актов, это позволяет смоделировать и понять глобальную тему или идею текста (дискурса), оперировать как частью текста, так и целым, осуществлять смысловую компрессию текста (дискурса) при восприятии или воспроизведении. Одним словом, важным является смысловая когерентность как условие существования текста (дискурса).

Направленность коммуникативных актов к иным паракоммуникативным актам предусматривает их зависимость от так называемого «фона невысказанных допущений и практик» и глобальных знаний мира, под которыми понимаются когнитивные единицы: фреймы — структуры данных для представления стереотипной ситуации [5; 26].

Прагматичность фреймов обнаруживает то, как «они формируют специфическое структурно-смысловое пространство, трансформируясь из текста в текст, соединяя их между собой и вовлекая при этом новые вербальные единицы в создание структурных участков» [6; 47]. Человеку свойственно «вычленять из окружающего мира наиболее существенные для жизнедеятельности объекты,

признаки, ситуации и объединять их в группы согласно принципам наибольшей релевантности в тех или иных условиях» [7; 32]. Это обеспечивает функционирование познавательных процессов, механизмов накопления опыта, обработки старых и новых информации в целях формирования нового знания.

В коммуникативном процессе организующим принципом является тот, который указывает на определенные цели участников коммуникации с ситуацией и происходящими событиями. «Коммуникативные процессы интерпретируются на основе заключенного во фреймы знания мира, когда они являются частью самих этих фреймов», если это касается институализированности коммуникативных актов, таких, как свадьба, юбилей и т.д. [8; 9]. Без соответствующих входящих во фрейм знаний, без контекста трудно понять два одинаковых высказывания: 1. *Вы приговариваетесь к пожизненному заключению.* — произносится как приговор в зале суда. 2. *Вы приговариваетесь к пожизненно-му заключению (брака).* — шутливо произносится друзьями на свадьбе. В первом случае коммуникативные акты являются институализированным фреймом в реальной ситуации, поэтому воспринимаются и понимаются мгновенно. Во втором случае нужна дополнительная интерпретация, при которой существенное значение принадлежит контексту.

Специфика фреймов состоит в том, что они относятся к ментальной сфере субъекта, выражая его определенные интенциональные состояния и определенную ментальную направленность субъекта к действительному миру, что приводит к рассмотрению внетекстуального аспекта связи коммуникативных актов с интенциональным состоянием и предопределяет философскую перспективу анализа языка в целом.

Коммуникативные акты и интенциональные состояния находятся в определенном соответствии к миру. Если мы обещаем, то репрезентируем условия своей истинности, если сомневаемся, то представляем аргументы сомнения и т.д., то есть имеются в виду соответствия к действительному, воображаемому или желаемому миру.

При таком подходе интенциональные состояния рассматриваются как условия искренности коммуникативных актов: реализация коммуникативного акта является выражением соответствующего ему интенционального состояния.

И особенно важно то, что коммуникативный акт, будучи связанным с определенным интенциональным состоянием, находится в той или иной смысловой, логической связи с другими интенциональными состояниями.

Из этого следует, по мнению Дж. Серля, что «не интенциональность» является производной от языка, а язык является логически производным от интенциональности. Способность человека соотносить себя с миром посредством интенциональных состояний, мнений, желаний и т.д. биологически более фундаментальна, чем вербальная способность. А это означает, что речь идет «о проблеме объяснения интенциональности в терминах языка, а языка в терминах интенциональности» [9; 112].

Главным для декодирования феномена понимания речи и языка является соотнесение понятий контекста, знаний, мнений, текста (дискурса) языка, смысла и их совместное соучастие в этом процессе декодирования. Интуитивно понятно, что понимание языка, речи, мира — это, прежде всего, их восприятие. Восприятие объекта — это его концептуализация, выделение его из ряда других и придание ему определенного смысла как единицы ментальной репрезентации.

Процесс построения концептуальных картин (смыслов) непрерывен: мы воспринимаем, изучаем объекты посредством содержащихся в нашей концептуальной системе смыслов и интерпретируем их.

Языковые знаки воспринимаются (осмысливаются) как знаки мира и знаки других знаков, при этом те и другие интерпретируются в той же концептуальной системе. Таким образом, человек «различает и идентифицирует объекты мира не потому, что усваивает язык, не потому, что язык дает возможность понять реальность в качестве априорного условия «ее познания», а усвоение языка предполагает различие как языковых выражений, так и ситуаций их употребления и соотнесения одних с другими [10; 19]. Например: *острый язык, острое лезвие, острый соус*. Один и тот же языковой знак может использоваться для кодирования различных концептов, которые через другие концепты связаны со всей концептуальной системой, которая способствует интерпретации знака, и он может выражать смысл.

Стоит заметить, что в последнее время в философии и лингвистике рассуждают «о мышлении в терминах деятельности, и появились работы, описывающие те или иные группы предикатов ментального действия» [11; 233].

В.Г. Гак, к примеру, постулирует, что «все лексические единицы, соотносящиеся с понятием *мыслить*, образуют ментальное поле» [12; 26]. Для подтверждения этой идеи в плане языковой формы необходимо выявить все слова и значения слов, связанные с понятием *мысли*.

С этой целью исследуются: слова с первичным ментальным значением, с переносным значением, словопроизводные, словосочетания. В центре ментального поля находится, к примеру, слово *думать* и его основные параметры и секторы ментального поля через соответствующие лексические единицы:

ситуация ментального процесса: *иметь значение, высказать суждение*.

познание — *узнавать, придумывать*.

сохранение познанного — *знать, напоминать*.

соотнесенность фактов и признаков — *различать, сравнивать, обобщать, идентифицировать, классифицировать*.

выявлять причинно-следственные связи — *делать вывод, объяснять*.

степень адекватности — *верить, сомневаться, лгать, предполагать*.

темпоральный аспект — *вспоминать, предвидеть, предусматривать*.

Стоит заметить, что в рамках описания происходит иногда некоторая модификация, которая касается модуса высказанности и индекса (коммуниканта).

Но усвоение языка позволяет приобрести средство кодирования концептов. Символическая фиксация концептов выводит на манипуляцию ими и построение новых смысловых структур, которые без языка не могли бы быть построены, а значит, соответствующие «картины мира» не могли бы быть образованы в концептуальной системе. Поэтому владение языком означает обретение средств социальной коммуникации.

Язык используется для «социализации картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, поскольку лингвосообщение ориентировано на такое разделение как духовное, этическое, эстетическое, интеллектуальное.

Благодаря языку осуществляется переход от субъективного к intersubъективному (объективному), то есть происходит усвоение правильного употребле-

ния языковых выражений и соответствующих специфик, что можно рассматривать как предпосылку социальной коммуникации носителей языка.

Стоит также заметить, что иногда происходит осложнение коммуникации с использованием одного языка из-за отдаленности концептуальных систем друг от друга при построении и репрезентации различных картин мира. Это происходит потому, что сам по себе язык является не концептуальной системой, а средством строения и символической репрезентации концептуальных систем и содержащейся в них информации.

Человек является своеобразным интерпретатором лингвотекстов (дискурсов) и лингворефлектором благодаря своей физической и духовной ориентации, он является мыслителем и селекционирует то, что способен осмыслить в своей концептуальной системе, а это зависит от его личного эмпирического и интеллектуального багажа.

Речь идет о выделении тех концептуальных структур, которые репрезентируют его мнение. Множество таких структур образует систему мнений носителя языка как подсистему концептуальной системы. В таких случаях предполагается употребление таких выражений: *я думаю, полагаю, считаю, выделяю, отличаю, настаиваю, подчеркиваю и т.д.*

Такая система имплицитна при любом коммуникативном акте, являясь базисом для интенциональных состояний и реализуя эти состояния в коммуникативных актах. Только опираясь на эту систему и интерпретируемый в ней контекст, человек может распознать иллокутивные намерения собеседника (коммуниканта) и иллокутивное содержание его текстов.

Репрезентируемые человеком «индивидуальные структуры» представляют собой субъективные знания мира. Такое знание охватывает не только информацию познавательного опыта индивида, его личный материал, но и научно-теоретически наполненную информацию, и именно такую информацию можно называть объективной. Она репрезентирует принятое знание мира и представляет то, что некоторые компетентные и авторитетные индивиды думают о мире. Более того, эти размышления подводят нас к философской и эстетической антропологии, к исторической и логической диалектике личности с точки зрения определенных человеческих качеств, которые не могут проявиться без языка, без социума, без коммуникации [13; 177], без феноменов фигурации и фигуративности [14; 6].

Таким образом, коммуникативные акты как смыслоопределяющие сущности языковых выражений нельзя рассматривать без философского акцента, антропологического подхода и вне концептуальной системы. Именно поэтому реализация, восприятие таких актов концептуально компетентными носителями языка, умеющими пользоваться словом и осмысливать его, являются в исследовании прерогативой как лингвистики, так и философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остин Дж. Избранное. М., 1999. 373 с.
2. Целищев В.В., Петров В.В. Философские проблемы логики (семантические аспекты) М.: Наука, 1985. 208 с.
3. Лесков Н.С. Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. М.: Правда, 1981. 488 с.
4. Katz, J.Y. The Metaphysics of Meaning. Cambridge: MIT Press, 1990. 144 p.

5. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
6. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. 281 с.
7. Маслова А.В. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2005. 254 с.
8. Рябкова А.В. Лексико-семантическая таксономия фреймов радость-печаль: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 17 с.
9. Серль Ж.Р. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык*. М., 1987. С. 96-126.
10. Pavilionis, R.Y. On Meaning and Understanding // *Acta Philosophica Fennica*. 1985. Vol. 38. Pp. 30-39.
11. Голованская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
12. Гак В.Г. Пространство мысли // *Логический анализ естественного языка: ментальные действия*. М., 1993. С. 22-29.
13. Щербинин М.Н., Халин С.М., Богомяков В.Г. Сущность и бытие человека в эстетико-антропологическом измерении // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2012. № 2. Серия «Философия». С. 177-180.
14. Эстетическая антропология: фигуративный аспект: коллективная монография / Под ред. М.Н. Щербинина. Тюмень: Мандр и Ка, 2014. 192 с.

REFERENCES

1. Austen, J. *Izbrannoe* [Selection]. Moscow, 1999. 373 p.
2. Tselishchev, V.V., Petrov, V.V. *Filosofskie problemy logiki (semanticheskie aspekty)* [Philosophical problems of logics (semantic aspects)]. Moscow: Nauka, 1985. 208 p. (in Russian).
3. Leskov, N.S. *Sobr. soch. v 5 tt. T. 1* [Collection works in 5 vol. Vol. 1]. Moscow, 1981. 488 p. (in Russian)
4. Katz, J.Y. *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge: MIT Press, 1990. 144 p.
5. Kamenskaia, O.L. *Tekst i kommunikatsiia* [The text and communication]. Moscow, 1990. 151 p. (in Russian).
6. Butakova, L.O. *Avtorskoe soznanie v poezii i proze: kognitivnoe modelirovanie* [The author's consciousness in verse and prose: cognitive modeling]. Barnaul, 2001. 281 p. (in Russian).
7. Maslova, A.V. *Kognitivnaia lingvistika* [The cognitive linguistics]. Minsk, 2005. 254 p. (in Russian).
8. Riabkova, A.V. *Leksiko-semanticheskaia taksonomiia freimov radost'-pechal'*: (Avtoref. diss. kand.) [Lexical-semantic taxonomy of the frames joy and sadness (Cand. Diss. thesis)]. Tyumen, 2002. 17. (in Russian).
9. Serl, Zh.R. The origin of intentional conditions / In: *Filosofiiia, logika, iazyk* [Philosophy, logics, language]. Moscow, 1987. Pp. 96-126. (in Russian).
10. Pavilionis, R.Y. On Meaning and Understanding. *Acta Philosophica Fennica*. 1985. Vol. 38. Pp. 30-39.
11. Golovanskaia, M.K. *Mental'nost' v zerkale iazyka. Nekotorye bazovye kontsepty v predstavlenii frantsuzov i russkikh* [Mentality in the mirror of language. The way the French and the Russians realize basic concepts]. Moscow, 2009. 376 p. (in Russian).
12. Gak, V.G. The space of thought / In: *Logicheskii analiz estestvennogo iazyka: mental'nye deistviia* [Logical analysis of natural language: mental actions]. Moscow, 1993. Pp. 22-29. (in Russian).
13. Shcherbinin, M.N., Khalin, S.M., Bogomiakov, V.G. The essence and being of human and aesthetic-anthropological dimension. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. Series 10. «Philosophy». Pp. 177-180. (in Russian).

14. *Esteticheskaia antropologiia: figurativnyi aspekt: kollektivnaia monografiia* [Aesthetic anthropology: figurative aspect] / Shcherbinin, M.N. (ed.). Tyumen, 2014. 192 p. (in Russian).

Автор публикации

Рябкова Алла Викторовна — доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации гуманитарных направлений Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук

Author of the publication

Alla V. Ryabkova — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication for Humanities, Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University